

1855.

№ 37

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ.

въ ФИЛИСЪ: въ Типографіи, что на Александровской площади, и также въ Редакціи въ квартирѣ Редактора, и въ Тифлисской Почтовой Конторѣ. ВЪ С. ПЕТЕРБУРГѢ: въ Газетной Экспедиціи С.-Петербург. Почтамта. ВЪ МОСКВѢ: въ Газетной Экспедиціи Московскаго Почтамта. Во всѣхъ Губернскихъ Почтовыхъ Конторахъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ.

Годовое изданіе съ пересланою 3 р. 50 к.
Полугодовое 4 . 50 к.
Объявленія печатаются съ платомъ за каждую букву по 1/4 коп. серебромъ.

25 Июля,

ВРАВВВВВВ

СУББОТА.

СОДЕРЖАНИЕ:

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ И ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ: Всѣобщіе приказы по военному ведомству отъ 4 іюля. Санктпетербургъ. Извѣстія изъ Крыма, съ Балтійскаго и Азовскаго Морей. Отъ С.-Петербургскаго военного генералъ-губернатора. КАЗАКЪ: Тифлисъ. ИНОСТРАННЫЯ ИЗВѢСТІЯ: Извѣстія съ Чернаго Моря. Англія. Австрія. Бельгія. Турція. Америка. Новыя извѣстія. Перел. УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДѢЛЪ: Воспоминаніе о Гузовичъ (окончаніе.)

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

ВЫСОЧАЙШІЕ ПРИКАЗЫ.

по отдѣльному казанскому корпусу и войскамъ къ нему прикомандированнымъ.

Іюля 4-го дня 1855 года. **Исключается.** По Пхотѣ. Егерскихъ полковъ: Ревельскаго, Подпоручикъ Матабеловъ и Генералъ-Адъютанта Князя Чернышева Прапорщикъ Золотовскій, оба въ Тифлисскаго Егерскаго полка.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Нѣсколько словъ

о смерти адмирала Нахимова.

29-го іюня Россія испытала невознаградимую утрату: герой синопскій, одинъ изъ мужественнѣйшихъ защитниковъ Севастополя, честь и слава Русскаго Флота и Русской Арміи—адмиралъ Павелъ Степановичъ Нахимовъ получалъ смертельную рану, отъ которой скончался 30-го іюня, къ общему прискорбію своихъ ратныхъ соотечественниковъ и всей Россіи.

Очевидцы сообщаютъ слѣдующія подробности о смерти его:

Покойный адмиралъ никакъ не соглашался надвѣять солдатскую шинель и всегда въ шюртукъ съ генеральскими эполетами являлся на самыхъ передовыхъ укрѣпленіяхъ, дабы удобнѣе наблюдать въ зрительную трубу за осаждающимъ. 29-го іюня, въ восемь часовъ вечера, Павелъ Степановичъ явился на Корниловскій бастіонъ, и не смотря на усиленные просьбы окружающихъ, началъ смотреть черезъ брустверъ на работы неприятельскія... Пуля ударила въ земляной мѣшокъ возлѣ него: свита, сопровождавшая адмирала, усилила свои просьбы, умоляя его сойти съ бастіона; но онъ спокойно оставался на мѣстѣ, промолвивъ: «Онъ цѣляетъ довольно хорошо»... Черезъ нѣсколько минутъ другая пуля ударила Павла Степановича въ високъ; онъ впалъ въ безсознательство, которое продолжалось до самой кончины.

30-го іюня его не стало.

Да будетъ же миренъ сонъ твой, достойный сподвижникъ Лазарева, Корнилова и Истомина!.. Черноморскіе моряки и севастопольскій гарнизонъ не забудутъ твоего доблестнаго примѣра... Дѣти и внуки наши отстоятъ твою могилу, какъ ты отстаивалъ колыбель ихъ!...

(Рус. Инв.)

ИЗВѢСТІЯ ИЗЪ КРЫМА.

Въ полученномъ 6-го іюля отъ Генералъ-Адъютанта Князя Горчакова срочномъ журналѣ, съ 24-го по 28-е іюня, содержится дополнительныя свѣдѣнія о ходѣ осадныхъ работъ подлѣ Севастополя и дѣйствіяхъ неприятельскаго флота въ Азовскомъ морѣ противу Генгическаго и укрѣпленія Петровскаго (близъ Бердянска).

Подлѣ Севастополя, въ продолженіе означеннаго времени, осаждающій вывелъ новую траншею предъ редутомъ Шварца и бастіонами Корнилова и № 2-го, а также утолстил и вывѣсилъ насыпи для батарей своихъ противу бастіоновъ № 3-го и 4-го и прорѣзалъ въ нихъ новыя амбразуры.

Огонь неприятеля, 24-го числа, былъ нѣсколько сильнѣе обыкновеннаго; штуцерная пальба по всей линіи не прекращалась; 25-го, въ 5 часовъ пополудни, осаждающій открылъ частую канонаду, преимущественно противу 3-го и 4-го бастіоновъ, что повторилось 26-го и 27-го. Батареи наши отвѣчали съ усиліемъ, и подбили нѣсколько орудій. Уронъ нашъ былъ вообще умеренный.

Не ограничиваясь работами по исправленію поврежденій и усиленію крѣпостныхъ верковъ, части войскъ севастопольскаго гарнизона произвели двѣ

небольшія, весьма удачныя вылазки; такъ, 25-го іюня, послѣ полуночи, 50 челов. нашихъ охотниковъ изъ передовой цѣпи бросились на ближайшія неприятельскія работы, выводили изъ бывшихъ траншей предъ редутомъ Шварца, перекололи нѣсколько рабочихъ и разорили часть неприятельскихъ подступовъ. Вторая вылазка произведена также охотниками, подъ командою прапорщика Кисельскаго, въ ночь съ 26-го на 27-е іюня. Молодцы наши, замѣтивъ, что осаждающій оплошно работаетъ въ своихъ новыхъ ложементхъ противу лѣваго фаса Корниловскаго бастіона, внезапно ударили на неприятеля, и поддержанные двумя ротами, успѣли разрушить часть неприятельскихъ работъ, унеся съ собою туры. Встревоженный шумъ нападеніемъ осаждающій бросилъ нѣсколько свѣтящихся ядеръ; тогда войска наши отступили въ порядкъ, захвативъ нѣсколько брошенныхъ инструментовъ и смертельно раненаго французскаго офицера.

Съ Азовскаго моря полученъ слѣдующія извѣстія:

Флигель-адъютантъ подполковникъ князь Лобановъ-Ростовскій донесъ, что, 15-го іюня, въ виду Генгическа было 9-ть паровыхъ судовъ. 16-го іюня винтовой фрегатъ и канонирская лодка подошли къ Генгическу и сдѣлали нѣсколько безвредныхъ выстрѣловъ по казачьимъ пикетамъ; за тѣмъ 2 неприятельскіе корабля, замѣтивъ слѣдовавшій по береговой линіи чумацкій обозъ съ солью, открыли по оному огонь, отъ котораго нѣсколько телегъ загорѣлось.

Съ 16-го по 20 іюня неприятельская эскадра постоянно бомбардировала Генгическъ, а отряженные отъ нея суда жгли, 17-го, окрестные хутора, версты на 30 разстоянія. 20-го іюня флотилія эта удалась, за исключеніемъ одной канонирской лодки, которая продолжала дѣйствовать по городу и, 21-го іюня, отделила двѣ шлюпки, направившіяся къ берегу. Одна изъ шлюпокъ, приблизившаяся шаговъ на 60, была встрѣчена ружейнымъ огнемъ нашей цѣпи, и потерявъ 3-хъ гребцовъ и рулевого, удалась въ море. 22-го числа снова появились у города французскій пароходъ и корветъ, къ которымъ, 23-го, присоединились другія суда. Всѣ они продолжали стрѣлять по городу до полудня 23-го и потомъ отошли къ Шкель, куда къ флотиліи прибыли, 24-го, новыя значительныя подкрѣпленія.

Съ нашей стороны, по распоряженію Генералъ-Адъютанта Князя Горчакова, усиленъ свѣжими войсками генгическаго отряда и увеличено число Азовскихъ казаковъ, состоящихъ, съ своими баркасами, въ распоряженіи Флигель-Адъютанта Князя Лобанова-Ростовскаго. Чонгарскій мостъ прикрытъ новыми укрѣпленіями.

Одновременно съ симъ донесеніемъ, получено свѣдѣніе о томъ, что, 12-го іюня, неприятельскій пароходъ-фрегатъ, подойдя на близкое разстояніе къ укрѣпленію Петровскому (близъ Бердянска), открылъ огонь по оному; но получивъ нѣсколько пробоинъ съ батарей нашихъ, отошелъ, и потомъ снова началъ канонаду, продолжавшуюся 4 часа. Уронъ нашъ состоитъ ранеными изъ 1 оберъ-

офицера и 6 нижнихъ чиновъ. Неприятельскіе выстрѣлы произвели нѣсколько поврежденій въ церкви и 17 домахъ, но пожара не причинили.

13-го іюня къ означенному пароходу присоединились еще 4, и всѣ они подошли къ Бердянску.

— Генералъ-Адъютантъ Князь Горчаковъ сообщаетъ слѣдующую телеграфическую депешу, отправленную изъ Севастополя 4-го сего іюля, въ 6 часовъ пополудни:

«2-го и 3-го числа сего мѣсяца были сдѣланы нами двѣ весьма удачныя вылазки впереди Корниловскаго бастіона.—Впрочемъ подлѣ Севастополя и на другихъ пунктахъ Крымскаго полуострова ничего новаго нѣтъ.»

ИЗВѢСТІЯ СЪ БАЛТІЙСКАГО МОРЯ.

Съ 21-го іюня по 3-е іюля отдѣльныя суда неприятельскаго флота продолжали появляться у различныхъ пунктовъ балтійскаго побережья, производя нападенія на беззащитные города, гдѣ не было ни войскъ, ни укрѣпленій; такія образцы Ништадтъ и Раумо были бомбардированы съ судовъ, подошедшихъ подлѣ переговоровъ флагомъ, а Ловиза подверглась сильной канонадѣ и пожару.

За тѣмъ дѣйствіями союзниковъ противу укрѣпленныхъ или занятыхъ нашими войсками пунктовъ ограничивались наблюденіемъ; тамъ же, гдѣ противники рѣшались употребить открытую силу, они встрѣчали мужественный отпоръ.

Такимъ образомъ была отражена попытка на Трангзундъ (близъ Выборга), 1-го іюля сего года, частью нашихъ сухопутныхъ войскъ и отрядомъ флотиліи канонирскихъ лодокъ, подлѣ начальствомъ Капитана 2-го ранга Рудакова 2-ю.

Потребности сего дѣла были слѣдующія:

1-го іюля, въ началѣ 1-го часа по-полудни, подошли къ Трангзунду 1 англійскій фрегатъ, 1 корветъ и 1 канонирская лодка. Два первыхъ, остановившись неподалеку отъ Кирканеми, послали впередъ канонирскую лодку съ семью вооруженными баркасами, въ коихъ на каждомъ было не менѣе ста человекъ. Вся эта флотилія, въ исходѣ 9 часа, медленно приблизилась къ острову Равенсари.

Разсыпанные здѣсь штуцерные 3-го Учебнаго Карабинернаго полка встрѣтили противника мѣткимъ и убійственнымъ огнемъ; въ то же время открыта была пальба съ парохода «Тоспа» и нашихъ канонирскихъ лодокъ, стоявшихъ поперегъ пролива. Дѣйствіемъ одной изъ сихъ лодокъ (№ 8-го) пробитъ большой баркасъ, который быстро началъ погружаться въ воду и почти затонувшій отведенъ на буксирѣ къ фрегату; остальные суда также къ нему присоединились.

Въ слѣдъ за тѣмъ была открыта неприятелемъ усиленная канонада съ фрегата и лодки по острову Равенсари, а съ баркасовъ бросали туда же конгревовы ракеты. Всѣ снаряды ложились большею частью въ лѣсу, не причиняя значительнаго вреда.

Къ 10 часамъ вечера канонада прекратилась; неприятель, не отважившись на высадку, отошелъ къ Кирканеми, и по исправленію поврежденій, 3-го іюля удался. Потеря его, по слухамъ, прости-

рается до 50 человекъ убитыми и ранеными.

Нашъ уронъ состоитъ: изъ 1 убитого штуцернаго 3-го Учебнаго Карабинернаго полка; ранеными: Гренадерскаго Сапернаго баталіона прапорщика *Строльмана*, 1 рядоваго карабинера и изъ 25-го Флотскаго экипажа 1 унтеръ-офицера и 6 рядовыхъ.

Въ продолженіе сего дѣла войска наши отличались большимъ хладнокровіемъ и мужествомъ; экипажъ канонирскихъ лодокъ дѣйствовалъ какъ на ученѣ. Распоряжавшійся обороною, капитанъ 2-го ранга *Рудаковъ*, отзывается также съ большою похвалою о находившихся на островѣ *Равенсари* 2-хъ ротахъ С.-петербургскаго Ополченія.

(Русск. Инвал.)

Отъ С.-петербургскаго Военнаго Генералъ-Губернатора.

Въ теченіе 3-го іюля непріятельскій флотъ оставался во вновь избранномъ имъ положеніи по западную сторону Толбухина маяка, и никакихъ движеній въ ономъ не происходило.

— Въ теченіе 4-го іюля въ непріятельскомъ флотѣ никакихъ движеній не происходило.

— Въ теченіе 5-го іюля, непріятельскій флотъ оставался въ прежнемъ положеніи. — Отдѣлявшіеся отъ онаго пароходъ и одна канонирская лодка приближались къ сѣверному фарватеру, и одна канонирская лодка принимала направленіе къ большому рейду; но вскорѣ возвратились ко флоту.

— 6-го іюля, отъ непріятельскаго флота, сохранившаго прежнее положеніе, отдѣлялись въ теченіе дня: корабль винтовой, приближавшійся къ большому рейду, и фрегатъ и канонирская лодка, ходившіе на сѣверный фарватеръ. Къ вечеру, два корабля и двѣ канонирскія лодки подходили къ Красной горкѣ и, ставъ тамъ на якорь, стрѣляли по Красногорскому телеграфу.

ИЗВѢСТІЕ СЪ АЗОВСКАГО МОРЯ.

Англо-Французы вездѣ въ прибрежныхъ мѣстахъ, отъ г. Эйска по направленію къ Ростову, жгутъ какъ казенное, такъ и частное имущество, не щадя даже крестьянскихъ жилищъ.

(Сообщено.)

КАВКАЗЪ.

Тифлисъ. Въ дополненіе къ письмамъ нашего корреспондента изъ Азіатской Турціи, въ свое время напечатаннымъ въ «Кавказѣ», сообщаемъ *официальныя* извѣстія о дѣйствіяхъ нашихъ войскъ подъ Карсомъ и въ его окрестностяхъ, съ 6-го по 10-е іюня текущаго года.

«Генералъ-Адъютантъ *Муравьевъ*, отъ 8-го и 13-го іюня изъ лагеря при с. Мугараджикъ (къ юго-востоку, въ полу-переходѣ отъ Карса) доноситъ:

«6-го числа произвелъ я въ виду Карса и турецкой арміи, которая тамъ заперлась, фланговой маршъ со всеми войсками и ихъ обозами изъ лагеря при Агджа-Кала, около горы Малой-Ягны, прямо на дер. *Мугараджикъ*, откуда угрожаю сообщеніемъ Карса съ Арзерумомъ.

«Войска построены были въ двѣ походныя колонны, которыя соответствовали двумъ боевымъ линиямъ и резерву; впереди правой колонны двигался авангардъ, подъ начальствомъ Генералъ-Маіора *Бакланова*.

«За нимъ слѣдовали главные силы, подъ командою начальника 18-й Пѣхотной дивизіи, Генералъ-Лейтенанта *Князя Гагарина*. Каждый полкъ слѣдовалъ въ двухъ линіяхъ, баталіоны распределены были согласно боевому порядку, батареи въ интервалѣ первой линіи.

«На одной высотѣ съ главными силами, въ 300 шагахъ лѣвѣе, направлялась лѣвая колонна, подъ начальствомъ временно-командующаго Кавказскою Гренадерскою бригадою, Генералъ-Маіора *Майделя*. Пѣхота шла по полкамъ лѣвымъ флангомъ въ двухъ линіяхъ, а артиллерія составляла свою линію по батареейно, также лѣвымъ флангомъ. Эти части должны были составить резервъ боеваго порядка.

«Ближе къ Карсу, правѣ этихъ колоннъ, дви-

гался, подъ начальствомъ Генералъ-Маіора *Графа Нирода*, особый наблюдательный отрядъ изъ Драгунскихъ: Генералъ-Фельдмаршала и Его Королевскаго Высочества Наслѣднаго Принца Виртембергскаго полковъ, съ Донскими Казачьими № 6-го и 7-го батареями, имѣя въ боковомъ прикрытіи двѣ сотни конныхъ охотниковъ Полковника *Лорисъ-Меликова*, одну сотню Карапахской и двѣ сотни Горской милиціи, только наканунѣ прибывшей въ Агджа-Калинскій лагерь.

«Арриергардъ, подъ начальствомъ Генералъ-Маіора *Васмунда*, долженъ былъ идти за хвостомъ правой колонны.

«Обозы всехъ войскъ, при особомъ прикрытіи, слѣдовали гораздо лѣвѣе ихъ по аробной дорогѣ, идущей чрезъ Халифъ-Оглу и Визинковъ въ Мугараджикъ. Всѣ же вольнонаемные транспорты и подвижные артиллерійскіе парки направлены обходною дорогою на *Кюрюкъ-Дара* и *Суботанъ*. Начальство надъ сею колонною ввѣрено командующему Виленскимъ Егерскимъ полкомъ, Генералъ-Маіору *Фрейтагу-фонъ-Лерингофу*.

«Я самъ велъ главные силы, поручивъ Генералъ-Лейтенанту *Бриммеру* идти съ арриергардомъ, который сначала прикрывалъ прямую дорогу изъ Карса въ Агджа-Кала, а по мѣрѣ удаленія обозной колонны въ данномъ ей направленіи, подавался за колонною Генералъ-Лейтенанта *Князя Гагарина*.

«Такъ какъ войскамъ приходилось совершить фланговый маршъ отъ Агджа-Кала въ Мугараджикъ по пространству 27 верствъ, совершенно безводному, то было приказано людямъ имѣть въ манеркахъ воду.

«Войска выступили изъ Агджа-Калинскаго лагеря въ 5 часовъ утра; колонна *Графа Нирода*, скоро опередившая пѣхоту, остановилась, пройдя дорогу изъ *Халифъ-Оглу* въ Карсъ, верстахъ въ 7 отъ сей крѣпости, гдѣ и оставалась до того времени, пока всѣ войска и обозы за нею продвинулись. На половинѣ дороги войска имѣли 2-хъ часовой привалъ и потомъ продолжали слѣдованіе на Мугараджикъ, гдѣ въ 6 часовъ вечера, соединившись съ обозами, остановились лагеремъ.

«Гарнизонъ карескій, простоявшій весь день подъ ружьемъ, не рѣшился выйти изъ-за стѣнъ крѣпости, и только часть турецкой кавалеріи слѣдила за движеніемъ нашихъ колоннъ, шедшихъ все время полевъ безъ дорогъ и приближавшихся, какъ выше сказано, до 7 верствъ разстоянія отъ Карса.

«Порядливый и грозный строй нашъ, не измѣнявшійся во время движенія, воздержалъ Турокъ отъ всякаго наступленія, хотя столь близкое направленіе колоннъ нашихъ къ крѣпости и двухъ-часовой необходимый отдыхъ въ 7 верстахъ отъ оной, явно вызывали ихъ на бой.»

«Занявъ позицію у с. Мугараджикъ и пользуясь близостію большой арзерумской дороги, дававшей возможность слѣдить за турецкою арміею, которая окончательно заперлась въ укрѣпленіяхъ Карса, я, не упуская времени, началъ высылать отряды, чтобы перехватывать подвозимые въ крѣпость военные и продовольственные запасы и совершенно прервать сообщенія непріятеля съ Арзерумомъ по большой дорогѣ.

«Такимъ образомъ на другой же день, т. е. 7-го іюня, сотня охотниковъ Полковника *Лорисъ-Меликова*, посланная на поискъ къ сел. Беглы-Ахмету, захватила въ плѣнъ квартирмистра арабистанскаго артиллерійскаго полка, который былъ отправленъ изъ Карса для сбора по деревнямъ ячменя и пшеницы.

«8-го іюня, на разсвѣтѣ, казачій разъездъ отъ Сборнаго Линійнаго № 2-го полка успѣлъ отрѣзать, подъ самыми стѣнами крѣпости, часть шедшаго туда каравана. Непріятельскіе аванпосты, въ виду которыхъ отбитъ былъ караванъ, двинулись было ему на выручку, но приближеніе изъ резерва еще двухъ сотенъ, остановило Турокъ, и казаки, безъ всякаго сопротивленія, доставили въ лагерь всю захваченную добычу, состоящую изъ 168 мѣшковъ сарачинскаго пшена, 8 верблюдовъ и 86 штукъ вьючнаго скота, и привели слѣдовавшихъ при караванѣ 36 человекъ вооруженныхъ погонщиковъ.

Тогда же получены были свѣдѣнія о томъ, что нѣкоторые запасы продовольствія собраны Турками, для отправленія въ Карсъ, въ селеніяхъ Беглы-Ахметъ и Чыблахлу, на большой арзерумской дорогѣ, а потому туда посланъ былъ Генералъ-Маіоръ *Баклановъ*, съ двумя дивизионами Драгунъ Наслѣднаго Принца Виртембергскаго полка, 5 сотнями казаковъ, 2-мя сотнями милиціи, при 4-хъ конныхъ орудіяхъ и ракетной командѣ. Генералъ-Маіору *Бакланову* дано приказаніе, часть запасовъ, для перевозки которыхъ найдутся средства, доставить въ лагерь, а остальные истребить.

«Въ этотъ же день присоединилась къ отряду колонна Генералъ-Маіора *Фрейтага-фонъ-Лоренгофа*, шедшая на Кюрюкъ-Дара и Суботанъ, и прибылъ въ отрядъ вновь сформированный Куртинскій № 2-го полкъ, въ числѣ 5 сотенъ, который пришелъ въ отличномъ видѣ. Всадники имѣютъ бодрый видъ, исправно вооружены и на хорошихъ лошадяхъ.

«9-го іюня выдвинуть, для поддержанія Генералъ-Маіора *Бакланова*, промежуточный отрядъ изъ лагернаго расположенія къ сел. Ардостъ, и въ то же время получены отъ сего генерала слѣдующія свѣдѣнія: 8-го іюня прибылъ онъ къ вечеру въ селеніе Беглы-Ахметъ, гдѣ найдено и взято имъ 150 четвертей ячменя и 150 пудовъ сухарей. Съ разсвѣтомъ 9 числа, Генералъ-Маіоръ *Баклановъ* отправился далѣе къ сел. Чыблахлу, гдѣ у Турокъ было собрано до 800 четвертей ячменя, хранившихся въ мечети, обращенной въ магазинъ. Поднявъ, что можно было, на арбы и часть раздавъ войскамъ, генералъ *Баклановъ* остальные запасы вмѣстѣ съ магазиномъ сжегъ и въ тотъ же день возвратился въ Беглы-Ахметъ.

«Во время пребыванія нашихъ войскъ въ Чыблахлу, горскія сотни, содержавшія аванпосты, захватили двѣ почты, шедшія изъ Арзерума въ Карсъ, и взяли въ плѣнъ почтаря и съ нимъ 3-хъ человекъ.

«Въ теченіе всехъ сихъ дней шелъ безостановочно проливной дождь, отчего дороги сдѣлались почти непроходимы. Вода въ Карсѣ чѣмъ сильно подымалась, такъ что переправа въ бродѣ при сел. Тикма была очень затруднительна; но генералъ *Баклановъ* 10-го числа перешелъ рѣку благополучно. Непріятеля онъ не видалъ во все время своего движенія. Изъ запасовъ, находившихся въ Беглы-Ахметѣ, генералъ *Баклановъ* часть также поднялъ на арбы.

«Такимъ образомъ четырехдневная стоянка у с. Мугараджикъ доставила, безъ всякой съ нашей стороны потери, нѣсколько плѣнныхъ, въ томъ числѣ 1 офицера, и довольно значительное количество продовольствія для войскъ, а Турокъ лишила главнаго сообщенія съ Арзерумомъ.

«Со времени возвращенія генерала *Бакланова* посылаются малыя партіи по направленію къ Саганлугу, которыя ловятъ и приводятъ бѣглыхъ Турокъ изъ карескаго гарнизона.

«Съ занимаемой позиціи видны карескія укрѣпленія и укрывавшаяся въ нихъ непріятельская армія. Турки продолжаютъ усиливать укрѣпленія и мѣстами возводятъ новыя. Турецкія войска ни разу не выходили изъ своихъ окоповъ. Кавалерійскіе аванпосты ихъ, которые они содержатъ на пушечный выстрѣлъ отъ Карса, весь день не слѣзаютъ съ коня; при малѣйшемъ у насъ движеніи, резервы ихъ немедленно выдвигаются впередъ, и уходятъ не ранѣе, какъ потревожившая ихъ часть вернется въ лагерь.

«Эриванскій отрядъ, подъ начальствомъ Генералъ-Маіора *Суслова*, съ 3-го іюня стоитъ лагеремъ на урочищѣ *Дутахъ*, перейдя нашу границу. Турецкія войска окопались у монастыря *Сурбъ-Оганесъ* и находятся въ строгомъ оборонительномъ положеніи. Свѣдѣнія изъ Эриванскаго отряда доходятъ до 9-го сего мѣсяца.»

(Русск. Инв.)

Въ теченіе прошлой зимы, отрядъ изъ войскъ лѣваго фланга Кавказской линіи раззорилъ враждебные намъ аулы на р. Джалкъ. Жители того края, не считая себя тамъ обеспеченными, прибѣгнули подъ покровительство наше и такимъ образомъ въ послѣднее время боѣе 1 т.

чеченскихъ семействъ переселились въ наши покорные аулы. Между тѣмъ Шамиль, имѣя въ виду не допустить дальнѣйшаго переселенія Чеченцевъ въ наши предѣлы, приказалъ имѣть постоянный сборъ до 2 т. горцевъ на р. Джалкъ и изблеченныхъ въ намѣреніи къ переселенію, подвергать жестокому наказанію. Въ тоже время онъ приказалъ силою гнать горныхъ жителей со скотомъ и земельческими орудіями на мѣста, покинутыя поманутыми переселенцами.

Дабы предупредить непріязненные покушенія горцевъ и вопрепятствовать имъ начать полевая работы, бывший начальникъ лѣваго фланга Кавказской линіи, Генераль-Лейтенантъ баронъ Врангель, сосредоточивъ войска въ кр. Грозной, выступилъ оттуда 15 апрѣля, съ отрядомъ изъ 2½ баталіоновъ, 13-ти сотенъ и 8-ми орудій, и слѣдовалъ на р. Джалку къ раззоренному аулу Эльдырханъ. Для отвлеченія вниманія непріятеля отъ предполагаемаго движенія на р. Джалку, предписано было командиру Егерскаго Генераль-Адъютанта Князя Чернышева полка, Свиты Его Величества Генераль-Маіору барону Николаи, двинуться тогда же отъ Кумыкской плоскости на р. Мичикъ.

Переправляясь черезъ Аргунъ, войска наши открыли непріятеля и вытѣснили его изъ заваловъ, которые онъ устроилъ поперегъ проложенной нами зиную просѣки. При этихъ стычкахъ непріятель оставилъ въ опущкѣ лѣса 4 и на завалахъ 14-ть тѣлъ.

Къ вечеру отрядъ расположился лагеремъ на обоихъ берегахъ р. Джалки.—Непріятель два раза покушался открыть огонь по нашему лагерю изъ своихъ орудій, но былъ выбитъ изъ занимаемой позиціи атакою пѣхоты и оставилъ на мѣстѣ 47 тѣлъ.

На другой день, по недостатку подножнаго корма, отрядъ двинулся обратно на Сунжу.

Непріятель, собравшійся уже въ значительныхъ силахъ, надѣялся нанести вредъ войскамъ нашимъ при обратной переправѣ ихъ чрезъ полноводную въ то время Сунжу; но при искусномъ расположеніи войскъ, непріятель, встрѣчаемый перекрестнымъ артиллерійскимъ и ружейнымъ огнемъ и угрожаемый атаками кавалеріи, не допущенъ былъ до рѣшительнаго нападенія, и войска переправились, пѣхота въ одномъ и кавалерія въ другомъ мѣстѣ, безпрепятственно.

Въ то же время Свиты Его Величества Генераль-Маіоръ баронъ Николаи дѣйствовалъ со стороны Кумыкской плоскости съ отрядомъ въ числѣ 2½ баталіоновъ пѣхоты и 10-ти сотенъ донскихъ казаковъ, при 5-ти орудіяхъ. Дѣйствія эти были столь быстры, что Чеченцы, застигнутые въ распахъ на поляхъ, бросили свои плуга и спѣшили скрыться въ лѣсъ, и что войска, взявъ съ бою 17 апрѣля аулъ Шамили-Юртъ, нашли тамъ имущество и скотъ, которыхъ горцы не успѣли заблаговременно укрыть.

Слѣдствіемъ наступательнаго движенія Генераль-Лейтенанта барона Врангеля было то, что непокорные горцы, предполагавшіе производить полевая работы на покинутыхъ ими мѣстахъ по рр. Джалкъ и Шавдону, отказались отъ этого намѣренія, а мирные Чеченцы, обеспеченные приобретеннымъ надъ непріятелемъ успѣхомъ, немедленно приступили къ сельскимъ занятіямъ.

Потеря наша во время движеній 16 и 17 апрѣля состояла изъ убитыхъ: 1-го оберъ-офицера и 3-хъ нижнихъ чиновъ; раненыхъ—оберъ-офицеръ 1 и нижнихъ чиновъ 25; контуженныхъ—штабъ-офицеръ 1 и оберъ-офицеръ 1. Непріятель оставилъ въ разныхъ мѣстахъ боя 65-ть тѣлъ, и по словамъ лазутчиковъ число убитыхъ у него простирается до 80-ти и раненыхъ до 102.

ИНОСТРАННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ИЗВѢСТІЯ СЪ ЧЕРНАГО МОРЯ. (J. de St.-P.) Standard, помѣстивъ въ своихъ столбцахъ донесеніе генераль-адъютанта князя Горчакова о побѣдѣ 6-го (18го) іюня, отдаетъ, невольнымъ образомъ, справедливость чистосердечію, съ какимъ донесеніе это написано. «Мы вынуждены, говоритъ между

прочимъ англійскій журналистъ, сознаться, что донесеніе это по-истинѣ прекрасное и чрезвычайно скромное; князь Горчаковъ, отдавая въ немъ справедливость геройской храбрости и неизмѣнному мужеству своихъ войскъ, которыя въ самомъ дѣлѣ достойны всякихъ похвалъ, ни сколько не усиливается подвергнуть ни малѣйшему сомнѣнію мужество непріятеля, съ которымъ онъ имѣлъ дѣло.»

Англія. (Ind. V.) Рѣчь, въ которой лордъ Дж. Россель объявилъ, что считаетъ возможнымъ принять австрійскія предложенія и что онъ не вышелъ изъ кабинета, не смотря на противное мнѣніе своихъ товарищей, чтобы только не разстроить кабинета, продолжаетъ служить темой для полемики англійскихъ газетъ; нѣкоторыя изъ нихъ полагаютъ, что лордъ Дж. Россель нарочно и, быть можетъ, съ согласія лорда Пальмерстона подвергъ опасности существованіе кабинета, чтобы приберечь себѣ мѣсто въ будущемъ министерствѣ, которое бы взялось заключить миръ.

— (Ind. V.) Въ Лондонѣ были безпорядки: въ воскресенье, 1-го іюля, бунтовщики тяжело ранили камнями адмирала сэра Дж. Сеймура, который прибилъ нѣкоторыхъ изъ этихъ негодяевъ. Полицію также приняла градомъ каменье. Около пяти часовъ лордъ Пальмерстонъ подвергался большой опасности. Онъ ѣхалъ верхомъ по Гровенорской площади и былъ окруженъ толпою, которая его не узнала. Онъ полагалъ, что народъ принимаетъ его съ восторгомъ, и въ томъ убѣжденіи, что рукоплесканія, раздавшіяся для того, чтобы испугать лошадь, относились къ нему, нѣсколько разъ кланялся. Потомъ, понявъ въ чемъ дѣло, онъ едва выбрался изъ толпы. Лордъ Брумъ прошелъ спокойно, съ веселою улыбкой на устахъ.

Австрія. (J. de St.-P.) Въ нѣм., іюль 9-го. Въ дипломатическихъ кругахъ вообще утверждаютъ, что г. Тувенель не успѣлъ исполнить возложенное на него порученіе. Именно ему было предписано склонить австрійскій кабинетъ къ измѣненію декабрьскаго трактата. Но графъ Буоль отвѣчалъ отъ имени своего Императора, что въ настоящее время Австрія не находитъ причинъ увеличивать свои требованія.

Бельгія. (J. de St.-P.) Въ Economiste Belge, журналъ, сочувствующемъ политикѣ западныхъ державъ, пишутъ:

«Со времени закрытія вѣнскихъ конференцій, въ умахъ произошла замѣчательная перемѣна. Тѣ самые люди, которые съ наибольшимъ жаромъ одобряли Францію и Англію за помощь, оказанную Турціи, начинаютъ порицать требованія этихъ державъ. Мнѣніе, что война уже больше не необходима, что цѣль ея уже достигнута сколько это возможно, по обороту, какой приняли событія; что ее продолжаютъ только для удовлетворенія какого-то пустаго и варварскаго самолюбія, словомъ мнѣніе, талантливымъ органомъ котораго былъ г. Гладстонъ въ самомъ Англійскомъ Парламентѣ, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе распространяется въ Европѣ.»

Турція. (N. P. Z.) Пишутъ изъ Константинополя, отъ 28-го іюня: «Пожаръ, бывший 24-го с. м. въ Стамбулѣ или собственно Константинополѣ, можетъ быть названъ однимъ изъ самыхъ большихъ пожаровъ, посѣщавшихъ столицу Оттоманской Имперіи въ царствованіе Абдуль-Меджида. На слѣдующій день, вечеромъ, число сгорѣвшихъ мечетей, домовъ, лавокъ и проч. опредѣляли слишкомъ въ 1,000. Отъ 20 до 25,000 чел. лишены пристанища и живутъ теперь болѣею частью въ палаткахъ или досчатыхъ хижинахъ, построенныхъ на скорую руку.»

Америка. (J. de St.-P.) Состоящій при англійскомъ консульствѣ въ Нью-Йоркѣ, г. Чарльсъ Станлей былъ взятъ подъ стражу и заключенъ въ тюрьму за наборъ солдатъ для англійской арміи въ Крыму. Онъ освобожденъ, подъ обезпеченіемъ въ 1,000 долларовъ.

Новѣйшія извѣстія.

Парижъ, іюль 12-го. Въ Монитерѣ напечатано письмо изъ Требизонда, оканчивающееся слѣдующими словами: «Извѣстіе о смерти Шамиля, повидимому, достоверно.» (!!!)

Лондонъ, іюль 11-го. Лордъ Панжуръ сообщилъ лондонскимъ журналамъ слѣдующую телеграфическую депешу генерала Симпсона отъ 9-го іюля: «Я намѣреваюсь завтра открыть сильный огонь противъ Редана. Состояніе здоровья въ арміи удовлетворительно. Князь Горчаковъ предлагаетъ обмѣняться плѣнными въ Одессѣ.»

— Сильное и всеобщее впечатлѣніе, произведенное въ Англіи послѣднею рѣчью лорда Джона Росселя, начинаетъ приносить свои плоды. Послѣ завтра въ Нижней Палатѣ ожидаютъ весьма бурнаго засѣданія, по поводу преній о предложеніи сэра Э. Бульвера-Литтона, вызванномъ рѣчью лор-

да Джона Росселя. Полагаютъ, что большинство Палаты будетъ въ пользу этого предложенія. Оно выражено въ слѣдующихъ словахъ: «Образъ дѣйствій министра, которому поручены были переговоры въ Вѣнѣ, и утвержденіе его на министерскомъ постѣ, поколебали довѣріе страны къ тѣмъ, которые управляютъ ею.» Нѣсколько дней спустя послѣ этого предложенія, а именно 17-го іюля, министерству предстоитъ выдержать пренія о предложеніи г. Робока.

Персія. Въ тегеранской газетѣ روزنامه وقایع اتفاقیه Дневникъ случайныхъ происшествій сообщены слѣдующія извѣстія:

«Въ прошломъ № нашей газеты изложено было, какъ его превосходительство, знаменитый генералъ Брусилловъ, посланникъ Россійской Державы, и высокостепенный полковникъ Бартоломей, посланецъ Его Высочайшаго Превосходительства Г-на Намѣстника Кавказскаго прибыли, при всевозможномъ почтѣ, въ сію царскую резиденцію. Въ понедѣльникъ 25-го числа благословеннаго мѣсяца рамазана, высокостепенный, приближенный къ особѣ Шаха Мухаммедъ Хасанъ-Ханъ, помощникъ г-на оберъ-церемоніймейстера, отправился, по волѣ Его Величества, въ квартиру, отведенную по распоряженію правительства для генерала Брусиллова и его свиты, и пригласилъ ихъ отъ имени августѣйшей особы на аудіенцію. Они были торжественно и съ полнымъ церемоніальномъ введены въ залу, гдѣ стоитъ царскій почетный караулъ; оттуда великій въ числѣ эмировъ, приближенный къ особѣ Шаха оберъ-церемоніймейстеръ ввелъ въ благословенное присутствіе Его Величества г-на посланника и всѣхъ членовъ посольства, съ Высочайшею дружескою грамотою и посланіемъ Его Высочайшаго Превосходительства Г-на Намѣстника Кавказскаго. Его Величество удостоилъ поименованныхъ генерала Брусиллова и полковника Бартоломея благосклоннаго царскаго приема; когда же они были отпущены изъ присутствія Его Величества, они немедленно посѣтили его свѣтлость, возвышеннѣйшаго изъ эмировъ Садри-Азама; послѣ обмѣна обычныхъ комплиментовъ съ его свѣтостью и дружественной бесѣды, они возвратились въ свою квартиру тѣмъ же порядкомъ, какимъ пріѣхали туда.

На другой день его свѣтлость Садри-Азамъ отдалъ имъ визитъ и положилъ твердое основаніе обоюдной дружбѣ и благорасположенію.

Съ давнихъ поръ между сею высокою державою и французскимъ государствомъ существовали дружба и желаніе упрочить ее всѣми мѣрами и укрѣпить эти пріязненные отношенія; для выраженія такихъ чувствъ и поддержанія дружескихъ связей отъ времени до времени назначались чрезвычайныя посольства отъ одной изъ названныхъ державъ къ другой. Въ нынѣшнее же благополучное время его превосходительство, извѣстнѣйшій г. Буре назначенъ былъ съ этою цѣлю экстраординарнымъ посланникомъ упомянутой державы къ сему высокому двору.

Его свѣтлость Шахзадѣ Техмасибъ-Мирза, правитель провинціи Фарсъ, освѣдомившись, что г. Буре долженъ прибыть въ предѣлы сего благословеннаго государства чрезъ Бендеръ-Абуширъ, послалъ туда отъ себя, въ качествѣ михмандара, высокостепеннаго Мирзу-Али-Мухаммедъ-Хана, а высокостепенный, приближенный къ царской особѣ, Али-Ханъ-Сартибъ Карагезлю назначенъ былъ отъ правительства михмандаромъ новаго посланника, для сопровожденія его отъ Шираза до столицы.

По извѣстіямъ, полученнымъ изъ Бендеръ-Абушира, высокостепенные Мирза-Хасанъ-Али-Ханъ, тамошній портовый начальникъ и губернаторъ, и Мирза-Али Мухаммедъ-Ханъ, михмандаръ, посланный Шахзадѣ Техмасибъ-Мирзою, разбили большую палатку на берегу моря и убрали ее такъ, чтобы его превосходительство г. посланникъ могъ съ удобствомъ вкушать въ ней отдыхъ.

Въ ночь на воскресенье 19-го числа мѣсяца шаабана г. Буре вѣхалъ въ Бендеръ-Абуширскій заливъ; по-утру высокостепенные Мирза-Али Мухаммедъ-Ханъ и Мирза Махмудъ-Ханъ, адъютантъ (*) министерства иностранныхъ дѣлъ, находившійся по дѣламъ службы въ Буширѣ, сѣли на лодку и встрѣтили посланника съ привѣтствіемъ отъ имени Шахзадѣ и съ приличнымъ торжествомъ подвезли его къ палаткѣ. Когда онъ вышелъ на берегъ, его привѣтствовали 21 (**) выстрѣломъ изъ крѣпостныхъ орудій; офицеры и солдаты, стоявшіе на пути къ палаткѣ, а также вельможи и сановники Бушира, выѣхавшіе навстрѣчу къ г. Буре, оказали ему всевозможныя почести.

(*) Въ подлинникѣ стоитъ это самое слово (адъютантъ).

(**) Тоже было сдѣлано въ Тавризѣ при встрѣчѣ генерала Брусиллова; но неизвѣстно, почему тегеранская газета объ этомъ не упоминала.

Послѣ отдыха въ палаткѣ, посланнику предложили отправиться въ квартиру, отведенную и убранныю для него въ самомъ городѣ, и согласно его собственному желанію, назначили ему квартиру въ *кюти* (*), принадлежащемъ английскому правительству.

25-го шаабана, въ сопровожденіи высокостепеннаго Али Мухаммедъ-Хана, онъ двинулся изъ Бушира, чтобы прѣхать въ столицу черезъ Ширазъ. Еще до прибытія ихъ въ этотъ городъ, ихъ встрѣтилъ михмадаръ отъ правительства, приближенный къ особѣ Шаха Али-Ханъ Сартибъ и сопровождаемъ съ должнымъ почетомъ до благополучной царской резиденціи.

(*). Это слово употребляется ост-индскими Англичанами въ значеніи конторы, факторіи и т. п. *Примѣч. переводч. П. Русса.*

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДѢЛЪ.

ВОСПОМНАНІЕ О ГУЛЕВИЧѢ.

(посвящается воспитанникамъ 2-го кадетскаго корпуса).
(Окончаніе).

«Почти въ одно время съ Гулевичемъ поступили ко мнѣ же въ палату майоры Экбаумъ и Вельяминовъ, оба тяжело раненые, особенно первый. Отъ наблюдательности Гулевича, знавшаго важность ранъ Экбаума, не ускользнули сомнительныя медицинско-латинскія пренія о ходѣ и о возможномъ исходѣ леченія трудно-большаго майора. Внимательный ко всѣмъ вообще, Гулевичъ, самъ едва жившій надеждою и энергіей, сосредоточилъ тогда все вниманіе свое на Экбаумѣ: просилъ перевязывать тяжело-раненаго; заботился о перемѣнѣ больному бѣлья, перестилкѣ постели, о пищѣ, питъи его, о лекарствахъ, бинтахъ и ваннѣ. Ничто не ускользало отъ его вниманія. Съ ласковою похвалою отзываясь объ Экбаумѣ, Гулевичъ жалѣлъ его, какъ умнаго человека, храбраго воина и прекраснаго товарища; въ эти минуты онъ забывалъ себя; боль и страданія отъ собственной раны какъ будто-бы исчезали при состраданіи его къ собрату, котораго онъ считалъ тогда очень опаснымъ, а за себя надѣялся. Но Богъ судилъ иначе!—Экбаумъ, хотя не совсемъ еще выздоровѣлъ отъ ранъ, по жизни его давно виѣ всякой опасности, а Гулевича уже цѣлъ.»

«Кромѣ приведенной мною благородной черты характера, въ Гулевичѣ было много хорошаго. Образовавъ онъ былъ достаточно и могъ поддержать разговоръ о различныхъ предметахъ; но артиллерія—это была его сфера; тутъ онъ былъ дома; все что касалось до артиллеріи, до войны, до артиллерійской службы, увлекало его: онъ какъ-то невольно воспламенялся и былъ краснорѣчивъ; объ немъ можно бы было сказать, что онъ вылитъ изъ пушекъ. Рассказывая неоднократно о дѣлѣ съ Турками при Нигонтскихъ высотахъ, гдѣ ему пришлось такъ героически отстаивать свои пушки и защищать тылъ колонны, Гулевичъ приходилъ въ необыкновенный восторгъ, который черѣдко мнѣ, какъ медику, доводилось охлаждать тяжкимъ напоминаніемъ о его болѣзни, требовавшей непремѣнно спокойствія, и душевнаго и тѣлеснаго. Благодарность была его отличительною чертою—и за заботливость мою, за вниманіе товарищескія онъ былъ такъ юношески, такъ гордо признателенъ! Особенно уважалъ онъ кутаискаго коменданта, полковника Коржинскаго, за то искреннее вниманіе, которое тотъ оказывалъ къ нему при частыхъ посѣщеніяхъ госпиталя. Гулевича всѣ любили—и не любить его было нельзя. Это всеобщее расположеніе къ нему облегчало его страданія, радовало открытую его душу. Часто собирався Гулевичъ, оправившись, сдѣлать визиты начальникамъ и знакомымъ, выйдти иногда на бульваръ; но мы думали совершенно другое.»

«Въ августѣ мѣсяцъ состоянье здоровья Гулевича сдѣлалось хуже; но все-таки онъ похаживалъ. Въ это-то время прѣхавшій изъ С.-петербурга въ Кутаисъ флигель-адъютантъ Чертковъ, при осмотрѣ госпиталя, оживилъ Гулевича, привезъ ему поклонъ Императора; въ лестныхъ выраженіяхъ отозвался о его храбрости и вручилъ ему денежную штабъ-офицерскую награду, 300 руб. сер. Но не дельгамъ обрадовался Гулевичъ,—обрадовали его слова г. Черткова, что о храбрости его и о важности раны знаютъ хорошо въ Петербургѣ. Надобно было видѣть Гулевича въ эти минуты: рассказать о его восторгѣ и блаженствѣ при видѣ милости и вниманія къ нему Государя—было-бы невозможно. Вотъ слово-въ-слово отвѣтъ Гулевича флигель-адъютанту Черткову: «Милостивый и Всемогущій Богъ! дай мнѣ жизнь, которая мнѣ нужна для того, чтобы ею жертвовать пользамъ Отца-Царя!»

«Въ сентябрѣ мѣсяцѣ предписано было начальствомъ выдавать раненымъ лечебныя свидѣтельства, съ причисленіемъ ихъ къ разрядамъ. Какъ горько обидѣлся бѣдный Гулевичъ, когда на вопросъ его: къ которому же разряду раненыхъ онъ относится, медикъ отвѣчалъ ему, что одинъ изъ параграфовъ 1-го разряда прямо указываетъ на его

рану. «Не лужно мнѣ вашего 1-го разряда: я служу Государю и буду служить изъ усердія, изъ чести, по совѣсти, не рассчитывая на вознагражденіе, какое даетъ раненымъ 1-й разрядъ. При томъ же здоровье мое, безъ сомнѣнія, еще позволитъ мнѣ продолжать мою службу, и я доволенъ однимъ моимъ жалованьемъ.» Такъ говорилъ и такъ думалъ Гулевичъ; онъ не могъ помириться съ мыслию вытти въ чистую съ очень достаточнымъ пенсіонномъ. Жить, жить хотѣлъ онъ; жить, чтобъ служить, чтобъ посвятить свои силы Отечеству. Благородное и высокое заблужденіе! Горько и тяжело было-бы намъ его разочаровывать. Но не такъ было на дѣлѣ; запасъ жизненныхъ силъ его истощался, не смотря на энергію. Раненый изнурился; появились новые неестественныя проходы; при этомъ развилось сильное отечное состояніе ногъ. По умирающій, разрушающійся Гулевичъ, убаюкиваемый выдумываемыми безпрестанно объясненіями медиковъ о ходѣ его болѣзни, надѣялся еще жить. Мало-то-то—надѣялся, и вѣтъ, онъ вѣрилъ, что будетъ жить, продолжалъ службу.

«Надѣли за три до своей смерти, онъ очень заботился о покупкахъ; готовилъ себѣ обновы: сюртукъ, шапку и прочія принадлежности своего военнаго туалета. Ждалъ полученія ордена св. Георгія, когда узналъ отъ знакомыхъ, что удостоенъ Думою, и гордился имъ. «Никто, говорилъ онъ, надѣюсь, не скажетъ, что Гулевичъ не заслужилъ «этой славной награды.»—Дня за два до смерти онъ купилъ для себя сукна, нѣсколько платковъ и еще кой-какія бездѣлицы. Но ему было худо. Наканунѣ онъ не вставалъ съ постели и просилъ меня откровенно сказать ему, какой конецъ будетъ его болѣзни; но уклончиваго отвѣта не выразумѣлъ. Утромъ, часу въ четвертомъ, 10-го октября, онъ скончался, сохранивъ и рассудокъ, и память до самой послѣдней минуты.»

«Онъ умеръ отъ истощенія силъ, вслѣдствіе недостатка питанія. Отправленія кишечной системы окончательно были нарушены; пища, не перевариваясь и не усвоиваясь организму, извергалась чрезъ неестественныя проходы. Для медиковъ, да и для не-медиковъ, вѣроятно, покажется удивительнымъ, какимъ образомъ могъ жить Гулевичъ четыре съ половиною мѣсяца съ такой важною и тяжелою раной. Этотъ рѣдкій въ медицинской практикѣ случай можетъ быть объясненъ лишь прошедшею жизнью покойнаго. Гулевичъ былъ крѣпкаго и пропорціональнаго-правильнаго тѣлосложенія; росту былъ небольшого; но энергически-сложенный станъ его былъ прекрасно развитъ. Жизнь онъ велъ скромную и воздержную; тяжкимъ болѣзненнымъ не подвергался и, соблюдая всѣ правила къ сбереженію здоровья, избѣжалъ худосочія въ организмѣ, которая такъ нерѣдко въ нашъ прихотливый, гастрономическій вѣкъ. Правильный образъ жизни сберегъ его силы—и этого-то запаса силъ въ организмѣ Гулевича было еще достаточно, чтобы поддержать въ немъ остатокъ жизни, такъ бѣдственно потрясенной ужасною раной. Правственное спокойствіе облегчало физическія его страданія; но оно не могло дать матеріальныхъ силъ организму, кромѣ тѣхъ, которыя въ немъ еще оставались; истощилась запасъ этихъ силъ у Гулевича, и его не стало.»

Прошло минутъ пять послѣ того, какъ Павелъ Ивановичъ окончилъ разсказъ свой, а мы всѣ молчали. Богъ знаетъ, какъ назвать это впечатлѣніе, которое было всѣмъ общее. Гулевичъ былъ Русскій—родной намъ; мы и жалѣли его и гордились имъ, какъ героемъ, носившимъ въ себѣ зародышъ, быть можетъ, великихъ дѣлъ. Эта грусть о его потерѣ не была той обыкновенною, обыденною грустью, которая разрѣшается иногда слезами и послѣ проходить, давъ мѣсто иному, веселому впечатлѣнію. Въ этой грусти лежали сѣмена впечатлѣнія болѣе прочнаго, неизгладимаго; въ ней таилось чувство народной гордости. И какой бы народъ не желалъ погордиться Гулевичемъ! Еще много ихъ въ нашихъ непобѣдимыхъ войскахъ. Велико и могуче въ нихъ это твердое чувство долга, приносящаго въ жертву Отечеству все... Счастливы войны, положившіе жизнь свою за отчизну; но еще счастливѣе изъ нихъ тѣ, которые положили ее не даромъ, чьи подвиги, могутъ служить примѣромъ и остаются на долго въ воспоминаніи..

Гулевичъ, конечно, принадлежитъ къ числу этихъ послѣднихъ счастливецевъ. Впечатлѣніе, произведенное въ насъ

разсказомъ о его подвигѣ, служить тому ругательствомъ. Долго не могъ я освободиться отъ *разныхъ мыслей*, которыя пробѣгали передъ мною... Образъ Гулевича привозился мнѣ въ отдаленіи. То я видѣлъ его кадетомъ, играющимъ беззаботно съ товарищами; то блондиномъ молодымъ офицеромъ, едва начинающимъ службу въ арміи; то уже зрѣлымъ, степеннымъ служакою, съ стрыми, выразительными глазами, любующимся своими орудіями, или оживляющимъ тѣсный кружокъ товарищей своею умною бесѣдою; то являлся онъ мнѣ запыленнымъ, въ походѣ въ Венерію; то плывущій по Черному морю на кораблѣ, полный силъ и надежды, жаждущій славы и подвиговъ. И вотъ, наконецъ, среди здѣшней роскошной природы, дождавшійся трудной походной жизни и битвъ, радостный и веселый, въ лѣсахъ живописной Гуріи, движется онъ по зову начальника и съ разсвѣтомъ является къ Нигонтской горѣ; живо и апергически онъ хлопочетъ съ артиллеристами, крѣпко жметъ руку товарищамъ и идетъ смѣло въ дѣло. Вотъ онъ командуетъ, сыплетъ картечью по фронту красногоровыхъ, не чувствуетъ подъ собою земли отъ радости. Вотъ онъ спѣшитъ защищать резервъ, отбивается отъ огромныхъ массъ Турокъ; скоро, рѣшительно, хладнокровно наводитъ орудіи, поспѣвая ихъ поворачивать во всѣ стороны. Вотъ онъ за саженю, равный, истекающій кровью, бѣдный, сидитъ, нагнущившись, и грустно ждетъ окончанія сраженія, съ замираніемъ сердца прислушиваясь къ выстрѣламъ. Вотъ онъ большой, въ гошпиталѣ, на костыляхъ, съ трепетною надеждою пробуетъ свои силы. Вотъ онъ въ постели, у двери гроба, съ послѣдней молитвою на устахъ. Вотъ онъ въ гробу. Вотъ онъ за гробомъ несется въ невѣдомыя пространства отдавъ отчетъ въ своей жизни, не даромъ прожитой. Вотъ его имя на черномъ мраморѣ, въ Корпусѣ, собираетъ толпу кадетовъ, которые, повторивъ его, желаютъ быть столько-же храбрыми, также славно окончить жизнь.

Но мелькнули всѣ эти образы... Темной и холодной дѣйствительностью обхватила меня опять эта зимняя ночь. Также уныло трещалъ каминъ, также лилъ дождикъ, хлещая по стекламъ, также вылъ вѣтеръ между деревьями. И вспоминалась мнѣ иная картина. То было прекрасное осеннее утро. Солнце свѣтило на ясномъ безоблачномъ небѣ; воздухъ былъ чистъ и прозраченъ, безъ зноя. Я сидѣлъ тихо на галлерейкѣ моей квартиры; облетѣвшія виноградныя лозы пестрѣли внизу красноватымъ остаткомъ листьи. Пѣвныя массы рисовались деревья то золотыи, то оранжевыя; кой-гдѣ вилась еще зелень неумирающаго плюща; подо мною сѣрѣли нѣсколько ветхихъ драчливыхъ крышъ; стѣны низенькихъ домиковъ, обнаженныя сучья деревьевъ, а далѣе къ горизонту, тамъ, за Ріономъ росла скала, на которой заманчивымъ силуэтомъ рисовались развалины храма Баградова съ бѣлой, пристроенною къ нимъ церковью. Тихо все было кругомъ; ни крика, ни звука не слышалось въ этомъ прозрачномъ воздухѣ. Прошло минутъ двадцать и издали понеслись ко мнѣ звуки, унылые, не веселые, но все-таки мелодическія; они росли, подвигались, переходили, то замирали, то снова слышались; наконецъ они стали слышнѣе, опредѣленнѣе: это былъ погребальный маршъ. По дорожкѣ, между кустарниками, какой-то процессія подымалась въ гору, къ развалинамъ. Колоколъ началъ вторить музыкѣ. Потомъ снова все смолкло. На горѣ, передъ церковью, заблестали штыки, появилась черная подоса народа. Прошелъ еще часъ, снова послышалась та-же унылая музыка, снова понесся звукъ колокола—и стихъ. Ярко сіяло солнце; тиха и прекрасна была природа въ своемъ величій... Надъ черной полосою народа всклумилось бѣлое облачко дыма, послышался грохотъ ружейныхъ выстрѣловъ... и еще и еще... Никогда не забуду я этого утра: это было 12-е октября, день, когда хоронили Гулевича.

Ө. Бобылевъ.

ПРІѢХАЛИ: іюля 22-го: изъ Сальянъ коллежскій совѣтникъ Соколовъ, изъ деревни Полковникъ майоръ Давыдовъ. 23-го: изъ Александрополя генералъ-майоръ Фрейдикъ, изъ Москвы подполковникъ Сосновскій.

ВЫѢХАЛИ: іюля 22-го: въ Александрополь коллежскій совѣтникъ Певскій. 23-го: во Владикавказъ генералъ-майоръ Зарекій.

Метеорологическія наблюденія.

Мѣсяцъ и числа по старому стилю.	Часы.	Термометръ Р°. Сухой.		Смрость воздуха.	Барометръ при 13 1/2 Р°. Русс. полуиц.	Направленія вѣтра.	Состояніе неба.	Темпер. Реем.	
		Смоч.	Нанм.					Наиб.	
19-го Іюля.	7 утра.	+ 17,6	+ 15,7	0,80	567,06	З. оч. слаб.	Обл. мѣст.	+14,2	+ 25,4
	1 попол.	+ 23,4	+ 16,6	0,45	565,44	СЗ. оч. слаб.	Обл. мѣст.		
20-го Іюля.	7 утра.	+ 17,6	+ 15,2	0,75	566,42	СЗ. оч. слаб.	Обл. рас.	+14,0	+ 25,8
	1 попол.	+ 23,6	+ 16,8	0,46	565,19	Тихо.	Обл. на гориз.		
21-го Іюля.	7 утра.	+ 15,6	+ 13,0	0,71	567,46	СЗ. сильн.	Обл. на гориз.	+14,0	+ 25,8
	1 попол.	+ 23,8	+ 16,0	0,39	566,02	СЗ. сильн.	Обл. на гориз.		
	9 вечер.	+ 14,9	+ 13,6	0,85	567,66	СЗ. сильн.	Обл. дожд. гр. мол.		

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ.

ТИФЛИСЪ. 23-го Іюля 1855. Цензоръ А. ЭБЕЛИНГЪ. Въ Типографіи Канцеларіи Намѣстника Кавказскаго. Редакторъ Е. ВЕРДЕРЕВСКІЙ.